«Испугаешься – жив останешься...»

Беседа с Борисом Константиновым о мифе и сказке

О мифе и сказке, героях и зрителях в театре кукол беседуют главный режиссёр ГАЦТК им. С. В. Образцова, лауреат Российской Национальной театральной Премии «Золотая Маска», заслуженный деятель искусств РФ Борис Константинов и доктор искусствоведения, помощник руководителя Театра им. Евгения Вахтангова по творческим вопросам Дмитрий Трубочкин.

«Белая уточка».
ГАЦТК им. С. В. Образцова.
Режиссёр и художник Борис Константинов.
Княгиня – Екатерина Малетина.

Дмитрий Трубочкин:

Борис Анатольевич, тема нашей беседы – сказка, миф, фольклор: как они живут в театре, что значат в вашем творчестве, как вы с ними работаете.

Я вижу в ваших спектаклях тенденцию обращения к сказочному – фольклорному и литературному – материалу: в 2020 году была «Сказка о царе Салтане», в 2021 году «Пегий пёс, бегущий краем моря» в Рязанском театре кукол, в 2022 году «Белая уточка». Каждая постановка, на мой взгляд, рождает некую мифическую реальность. Посмотрев спектакль, какую-то часть этой реальности зритель воспринимает и уносит с собой. Как вы думаете, о чём сегодня нельзя рассказывать сказки, чтобы не воплощать нежелательные реальности?

Борис Константинов:

Как жаль, что я не изучаю вопрос мифа предметно. Миф требует пристального режиссёрского и актёрского внимания, исследования. Что такое миф для меня? Пласт культуры. С другой стороны, это пространство осмысления, которое мне даёт свободу – свободу художника. Извините за громкое слово: думаю, нормально называть себя «художником», когда сочиняешь спектакль, потому что мы, кукольники, мыслим визуально.

В пространстве мифа, как и в живой природе, ничего не случается просто так, каждое событие имеет свою причину и предназначение. Как у Маяковского – «всё в страшном порядке». В момент придумывания ты не всегда видишь связь, не видишь структуру, рисунок этого порядка – и тогда ты её сочиняешь, находишь новые точки касания реальности и мифа – и создаешь новый миф. Если повезёт – то и новую реальность, новый «порядок».

Миф живет в мимолётном, преходящем – хоть в шуме крыльев. Крылья захлопали – прилетела сова; ты мальчишкой прицелился в эту сову из ружья на охоте, а другой, постарше, толкнул тебя и не дал выстрелить. «Почему?» – спрашиваешь. Вроде бы мы пришли в лес, чтобы поймать что-то живое, подстрелить, кровь кипит… А человек постарше говорит: «Зачем? Что тебе даст этот филин или сова? Мясо его не едят, перья его не берут, и вообще: убить в лесу филина или сову – это грех, это плохо».

Я, наверное, так и воспринимаю миф: он живёт в таких причинно-следственных связях-уроках. Если зайти в старый дом, чтобы переночевать, нужно попроситься у домового... Любой городской человек засмеётся: «Какой-такой домовой»? А деревенский не будет смеяться; он скажет: «Домовой, домовой, пусти не век вековать, а ночь ночевать», – и переночует в какой-нибудь деревенской заброшенной избе. Сегодня есть много людей, для которых это никак не суеверие, а миропорядок. Верю ли я в это? – Наверное, верю. Почему нет?

Если сейчас вернуться к вашему вопросу насчёт сказок… Очень хочется спросить: как может называться «сказкой» то, что нельзя рассказывать? «Сказка» – сказ, сказанное кем-то: она должна быть рассказана! Давайте думать: может, нельзя пересказывать шаманские ритуалы, заговоры лекарей? Конечно, нельзя! Это сакральное. Может, нельзя нарушать какие-то духовные запреты? И это так: вспоминаем о заветных сказках, да? Заветные-запретные, но они есть! Как всегда, мудрость народная в том, что каждое слово должно быть уместным, лыко в строку. Но сказка должна быть рассказана! И вот автор создаёт свои связи реальности со сказкой, мифом, с заветным миром... так рождается новая реальность, закрепляется в книге, в поэтическом произведении.

Чингиз Айтматов в «Пегом псе» не сразу ведь берётся рассказывать свой сюжет: Север, семья, все погибли, мальчик выжил. Он начинает с поэмы, с песни: как рождалась Земля; как вначале, кроме воды, ничего не было. Зачем? Почему? Не просто же для красоты или чтобы показать знание материала. Он творит свою реальность, привязывая её к существующему эпосу. И вот парадокс: начиная повествование с мифа, он делает реальность произведения абсолютно достоверной.

«Сказка о царе Салтане». ГАЦТК им. С. В. Образцова. Режиссёр Борис Константинов, художник Виктор Никоненко. Кукла Лебедь.

Так на парадоксе работает и реальность в спектакле «Белая уточка»: название пушистое, нежное, а в сказке творится страшное зло! Хоть и говорят «сказка ложь, да в ней намёк», но, когда дело касается сюжета, всё очень конкретно, определённо: пришла женщина, с виду, вроде, не злая; уговорила перешагнуть, выйти за пределы разрешенного, потянула за собой, а потом убила… ударила палкой и убила. В чём тут намёки? Наверное, в том, какие выводы сделает зритель из увиденного… Поэтому сказка создана для того, чтобы её обязательно когда-то рассказали. При этом сказка должна оставаться тайной, иначе это просто дидактический материал для воспитательных целей. Сказка должна показать грань тёмной и светлой реальности, зрителю должно быть страшно. Один неверный шаг – и придёт зло, темнота, война…

Моя задача – выдумывать метафоры этого порванного, расколотого мира.

Вспомнилась вдруг «Ленинградка». Идёт война, блокада, и, вроде бы, не до сказок;

но главный герой спектакля – домовой, существо из сказки. С его присутствием ситуация сразу становится тоньше: домовой же не существует, но в тяжёлую годину именно этого персонажа мы зовём на помощь, как какого-нибудь бога... Поэтому домовой и становится самым настоящим хранителем дома.

Столько сказал, а на ваш вопрос, кажется, не ответил.

Дмитрий Трубочкин:

Ответили, и получилось интересно! Потому что вы заметили в вопросе противоречие, которое происходит из самого слова «сказка». Если «сказка», то, действительно, почему её не сказывать? Так оно и есть. И со словом «миф» то же самое: одно из буквальных его значений – «сказ», «сказание». «Мифы» – «старые сказания», которые вспоминают, пересказывают, тянут, как нить, сплетают, как новую ткань.

В отношении сказок есть много стереотипов, связанных между собой. Вот один из стереотипов: сказки предназначены для детей. Другой стереотип: если сказка для детей, то ребёнка нельзя этой сказкой пугать. Отсюда вопрос: для чего нужны страшные сказки? Вы уже говорили о «Белой уточке»: название уж очень нежное… Ладно бы, «Чёрная ворона» – тогда сразу стало бы страшно; а то «Белая уточка». Но к этому названию вы приписали: «славянский фолк-хоррор». Зачем нужно зрителя пугать?

И, можно, я сразу же и другой вопрос, связанный с этим, задам: что именно в «Белой уточке» страшного? Для меня страшным в этой сказке был даже не конкретный человек, а весь мир, в котором живут Князь и Княгиня. Там сразу же все стало страшно: их мир мне не вполне понятен, он живёт по другим законам, мне не известным. Вы сумели с первых же минут показать, что в этом мире много опасностей. Это первоначальное ощущение было у меня связано с переживанием просто экзистенциального страха.

Борис Константинов:

Я как-то читал в книгах по психологии и педагогике о том, зачем ребёнку рассказывать страшную сказку. Ответ простой: прочитав или выслушав сказку, ребёнок должен вообразить себе такую картину мира, в которой он обязательно будет убит; если герой нарушит запрет, данный родителем или высшими силами, то будет убит.

Страх в сказке – это оглушающий эмоциональный удар. За которым непременно следует терапия смехом, чудом и подарком (даром). Ребёнок в безопасности, ему интересно, страшно и смешно – он то напугается, то затаится, а тем временем в голове у него что-то важное сложится.

Мне кажется, неспроста человек решил пугать человека сказкой. Сказка – как прививка: надо эмоционально обжечь, эмоционально ударить током маленького человека, чтобы он пережил и прочувствовал что-то важное. Люди раньше видели повсюду в мире живых существ: в колодце живет дух колодца, в омуте обязательно водяной и на болотах кикимора… Зачем тебе, мальчишке, на болота ходить? Можно утонуть: болота охраняют кикиморы. Испугаешься – жив останешься.

Дмитрий Трубочкин:

Вот и пословица у вас родилась: «Испугаешься – жив останешься». Хорошо! А где, по-вашему, сконцентрирован страх в спектакле «Белая уточка»: в преодолении запрета, в воздаянии, в самом сказочном мире? Или он воплощён в конкретной фигуре – в колдунье?

Борис Константинов:

В колдунье – это было бы слишком прямолинейно иллюстративно: создаем страшного персонажа – эдакое пугало – и пугаем; вот тебе и страх. Другое дело: непонятный мир, непонятное время, как будто жизнь без времени… Чего я точно хотел в этом спектакле (не знаю, получилось ли) – создать особенную атмосферу для зрителя сразу же, когда он входит в зрительный зал из города. Город понятен для него и привычен; но вот он входит в зал, а здесь что-то ухает, что-то дышит, и вдруг в зале занялся ветер – как будто

«Белая уточка». Ведьма – Екатерина Малетина. Князь – Максим Кустов.

«Белая уточка»

«Аленький цветочек». ГАЦТК им. С. В. Образцова. Режиссёр Борис Константинов, художник Виктор Никоненко.

«Ленинградка». ГАЦТК им. С. В. Образцова. Создатели Борис Константинов, Алексей Шишов, Денис Шадрин. Художник Виктор Антонов.

только через звук… и тут же вдруг качнулась качель, висящая близко к первому ряду… Зрители сомневаются: «Что, правда ветерок пронёсся»?

Важно создать это легкое напряжение, легкие сомнения, когда ты не понимаешь до конца этот мир: в таком непонимании когда-то жил человек.

В сказке «Белая уточка» я почувствовал незащищённость человека. Не то, что Княгиня нарушила запреты, не исполнила просьбы: «Высокого терема не покидай, с дурными людьми не ватажься…» Незащищённость – это глубже, чем просто непокорность. Вроде бы, чего бояться: вот мой сундук, вот квадратный метр моей планеты – такой зелёной, приветливой, покрытой вкусной брусникой, рядом птицы щебечут, и ты не ждёшь ничего плохого… Но знай, человек: вокруг тебя – природа, и природа всегда будет бороться с тобой, стараться, чтобы тебя в ней не было, потому что ты для природы опасен, ты её разрушаешь. Спросим: «Как это, разрушаю»? – Дышишь много, кислород потребляешь, рубишь лес, засоряешь реки, строишь города, убивая то живое, что само по себе живёт. Вот и конфликт: проявление той чёрной, страшной птицы, которая, оказывается, всегда живёт где-то рядом.

Нет-нет, дело тут не в экологии. Речь о нас, о людях: в каждом человеке сидит это чёрное, разрушающее, нападающее, страшное начало. Мы не можем быть только ослепительно белыми. У той же Белой уточки есть вторая половина: чёрная, когтистая птица. Она не только страшна, она напускает морок: Князь вернулся с войны и не признал, что за ликом Княгини прячется кто-то другой. Понимаете, сказку нужно рассказывать не только маленькому зрителю (мы ведь недаром этот спектакль ставим вечером и на афише пишем 12+). Сказка – это способ для человека в любом возрасте ответить на вопрос: какой я? Почему что-то происходит или не происходит? Почему меня что-то волнует или уже ничего не волнует?

В спектакле есть сцена, когда Белая уточка своим деткам наказывает: «Ребятушки-утятушки, за реку не ходите…». Она остерегает их от того, чего сама не остереглась. Княгиня нарушила запрет, и следом – детушки-утятушки не послушались наказа. Завет преступлен, тонкая грань в тёмный мир разбита. Поэтому и костры зажглись, и ножи и топоры стали точить, и кровожадная ведьма появилась.

Почему так? Закон сказочной реальности: запрет должен быть нарушен. Не нарушишь запрет – не накличешь бед. Но ведь сказки нам рассказывают не о том, как прожить безбедно, а о том, как преодолевать беду. Это инициация. Это взросление. Представьте, что Княгиня не вышла бы из круга – так и сказки бы не было. Сказка – возможность научить не через прямой запрет, а через историю, развлечение, переживание. Сказка, конечно, не только для этого, но и для этого тоже.

Миф работает иначе. Начнём с того, что мы все живём в пространстве социального мифа: его формируют быт, культура, вера, суеверия – весь наш ментальный уклад. Миф – это доступное нам понимание реальности, чтобы каждый из нас мог, как частичка паззла, гармонично войти в мироздание и составить целое с ним; или же наоборот, разорвать его единство. Для того, чтобы успокоить тебя – или, наоборот, уколоть. Мы ведь не только живём, но и выживаем. А сказки-рассказы помогают выживать. Думаю, мы видим пространство современного социального мифа как реальность.

Нивхи не верят, а помнят, что их прародительница – Рыба-женщина. Для них это реальность. Современный автор берёт их миф за основу и переводит его на язык литературы, сохраняя при этом самое важное – сердцевину мифа.

У нас с Виктором Антоновым была первая цель и желание сделать спектакль «Пегий пёс, бегущий краем моря» на Сахалине. Только потом мы поняли: слава богу, что сделали этот

спектакль в Рязани. Потому что на Сахалине бы сказали: «Нет, это не так! У нас нет таких масок; мы бьём по бревну триолью – а не так, как вы; у нас Медведь, а не Рыба…». И начались бы поиски этнографических несоответствий.

Нам же хотелось, в первую очередь, соответствовать автору – Чингизу Айтматову с его поэтической правдой о целом роде: «Был один; был второй; а третий был хромой; он встретил Рыбу-женщину; она родила ему сына; сын вырос охотником крепким, и с этого пошёл род Рыбы-женщины; род живёт, растёт и крепнет…». Это авторская реальность мифа. В спектакле мы создали ещё одну реальность – и, знаете, ведь пока зритель в зале, он целиком во власти нашей реальности. Он, конечно, понимает, что это спектакль, но относится к нему как к реальности, которая влияет на него, помогает что-то понять и почувствовать.

Дмитрий Трубочкин:

Значит, миф для вас – способ взаимодействия с миром, где важна не только традиция, но так же значим и авторский вымысел?

Борис Константинов:

Вот именно! Мне как режиссёру вымысел важен и нужен. Каждый день я только и стараюсь, как бы «вымыслить» новую сказочку. И, слава богу, хватает ума не изобретать колесо, а обратиться к мифу, эпосу, сказке: фольклорной или авторской, к литературному источнику…

Кстати, часто в основе авторской сказки спрятан фольклорный сюжет, который может брать начало в каких-то доисторических представлениях человека. Скажем, «Аленький цветочек»: авторская сказка. Некоторые литературоведы считают, что сюжет был авторским изначально («Красавица и Чудовище», французская салонная сказка XVI века), другие находят его отголоски в народных сказках Восточной и Западной Европы дописьменного периода. Как часто бывает в сказках, в этой истории есть два мира – реальный и волшебный. Художник Виктор Никоненко, придумав реальность нашего спектакля «Аленький цветочек», дарит нам ещё один чудный мир, визуальный, где всё опутано корнями. Эти корни – выразительный символ, а символ в кукольном театре для меня всегда очень важен.

Дмитрий Трубочкин:

Мне кажется, я вижу корневую структуру как символ в разных ваших спектаклях: и визуально, и метафорически.

Борис Константинов:

Корни – очень мощный символ. Корни питают; обруби корни – что-то рухнет, перестанет существовать… Земля – матушка, кормилица, но если их нет, то ты перекати-поле, ты обречён, ведь сила идёт корнями… Это структурная связь миров. Когда дерево гибнет, например, на песчаном берегу, берег осыпается, если на этой земле стоял твой дом, он тоже может рухнуть, осыпаться вместе с берегом. И какой мощный образ, существующий в мифах – древо мира! С ним связано множество метафор… Мы находим

«Пегий пёс, бегущий краем моря». Рязанский государственный областной театр кукол. Режиссёр Борис Константинов, художник Виктор Антонов.

какие-то свои ассоциации, делаем этот мир театральным, а потом создаём хорошую выборку для спектакля.

Традиционный миф и есть то богатство, с которым мы можем сочинять – и художники, и режиссёры. Так что для кукольника миф – огромное профессиональное подспорье.

Дмитрий Трубочкин:

Я хотел бы закрепить несколько идей и задать ещё один вопрос. Меня очень увлекает то, что вы уже при входе в зал погружаете зрителя в особую атмосферу, чтобы он покинул пределы привычного, почувствовал себя неуверенно, приблизился к непониманию, а через непонимание – к опыту жизни тех людей, которые помнили о тайне и об опасности мира.

Есть ещё одна особенность ваших спектаклей: вместе с художниками вы создаёте пространство, которое выходит за рамки сцены. Всегда создаётся ощущение, что пространство в ваших спектаклях – больше, чем может вместить в себя театр. В «Пегом псе» – это стихия моря, переходящая в небо. В «Уточке» по небу с невероятной скоростью несутся облака; в «Царе Салтане» над сценой сошлись Солнце и Луна.

Я понимаю, что для создания сказки, по вашему разумению, требуется природа – как некая противоборствующая человеку сила, тайный мир. А город может стать таким же соперником человеку, как, например, тайга? Таким же сказочным, «заветным» местом?

Байкальская театральная лаборатория «Поэзия стихий». Марионетка художника Виктора Антонова.

Борис Константинов:

Обратите внимание: в «Ленинградке» город как живой организм был разрушен человеком, а потом разрушение довершили Холод и Голод (это два персонажа, рождённые человеком). Город стал пустым. Пустой город очень красив благодаря ужасу, который он излучает. Он красив как сценическая фактура: вот одинокая скрипучая качель – вроде бы знак детства, но детство покинуло это место, и качель одна. Когда всё человеческое ушло из этого места, тогда город превращается в джунгли, тогда в этом городе появляются свои корни. Природа забирает себе всё, в чём человек мыслил себя победителем: лифты, асфальт…

Конечно, люди театра много лет видят в городе место рождения сказки. Город брошенный, город перенаселённый, город больной, заражённый – например, болезнью, которая не даёт увидеть то, что их король – голый … Много сказочных историй происходит в городе.

Вы задаёте вопрос, и я чувствую, что начинаю радоваться, как ребёнок, этой новой возможности сочинять: теперь с позиции города! Мои зрители – это люди, живущие в джунглях города. Надо из города извлечь сказку! Вы мне даёте хороший импульс.

Балуясь, современные сказочники (я их называю «фольклористы сегодняшнего дня») сочиняют: «В московском метро живут шаболовки. Это такие маленькие камнеежки, они едят камни. В районе Шаболовки их называют «шаболовки», в другом районе – по-другому…». Такие рассказы вызывают улыбку и смех.

А если какой-нибудь сегодняшний автор возьмет такого вот необычного персонажа и доведёт его до чугунной, непреодолимой преграды, которую выставил на его пути человек: вот и будет сказочный конфликт. Все сказки из мира Стивена Кинга, все Годзиллы – все они проходят через это противостояние. Они пришли «оттуда» и столкнулись с сегодняшним днём: вот и борьба – вертолёты против Годзиллы, человек против неведомой природы.

Цель авторов современных сказок помочь человечеству осмыслить себя, задуматься: кто мы такие, люди? Почему мы возомнили себя богами? Каким меловым кругом может оградить себя человек от страшных сил, от которых даже город не спасает? На это надо ответить и себе, и маленькому человеку, который будет нас слушать. Меловой круг – это любовь. Например, любовь к родителям… Хочется напомнить образы Метерлинка в «Синей птице», истинные Блаженства и Радости, и начать сочинять новые сказки…